

**ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2023-2024 УЧЕБНЫЙ ГОД**

11 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (максимальный балл – 70) и творческое задание (максимальный балл – 30). Время выполнения работы - 200 мин. Ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1.

Напишите целостный анализ рассказа Г. Скворцовой «Спасительница мира». Вы можете опираться на вопросы или выбрать свой путь анализа. Ваша работа должна представлять собой связный, завершённый текст.

Опорные вопросы:

1. Как связана проблематика рассказа с проблематикой романтизма?
2. Каким образом организованы авторские оценки героев рассказа?
3. Какую роль играет «разговорная» манера повествования?
4. Как Вы понимаете заглавие рассказа?

Максимальный балл – 70 баллов.

Еще год назад она слыла гениальной и была желанной гостьей во многих домах. В чем конкретно заключалась эта гениальность, никто толком не знал, но слухи ходили, и того было довольно, чтоб наживку проглотить. И как все любили ее в дни наездов: чтоб непременно ко мне... и ко мне... и к нам... Всенепременнейше... А теперь ее в лучшем случае отсылали в «комнату для прислуги», то есть на кухню. «Мне дали поесть... - уводя глаза и смущенно улыбаясь, рассказывала Вера о визите к Гарику. - Да что бы я там делала, они теперь все только по-английски говорят...» Больше всего ее огорчил не прием, а то, что «тортика» не досталось. «Торт был необыкновенный...»

«Она опасна, - говорили между собой друзья Веры тотчас после ее приезда. - Ее нужно срочно отправить туда». Они стеснялись сказать прямо – «психушка», да никто бы и не взял на себя ответственность, хотя душа ее была погублена задолго до них, может быть, даже в младенчестве, кажется, она и сама знала об этом, недаром же не раз, размахивая по-птичьи непропорционально длинными руками, кричала: «Ребята (она называла их ребятами по студенческой привычке, хотя какие там «ребята» - все уже сороковик разменяли), я безумная, а вы сумасшедшие!..»

То ее безумство нравилось, оно было гениальным и позволяло им оторваться от грешной земли, воспарить, почувствовать себя хоть на мгновение высшими существами.

О том, что у Веры «крыша поехала», сообщила по телефону московская приятельница Ирка. Она же выяснила, что это у Веры наследственное - у нее и мать сошла с ума в сорок лет, - а значит, неизлечимо. По слухам, Вера собиралась в самое ближайшее время их навестить и даже, наверное, уже выехала. «Так что готовьтесь...» весело сказала Ирка, и все поняли, что она умыла руки.

Как всегда в экстренных случаях, собрались у Гарика. Сначала решали, у кого Вера остановится, если все-таки приедет. В глазах Лизы Мышкиной застыло откровенное недоумение: принести себя, свое спокойствие в жертву? Но ради чего? Ради гениальной Веры - пожалуй, ради безумной - увольте...

- А мне ее жалко, - сказала Миля, - все же человек...

- Ну, раз ты такая сердобольная, так и возьми ее к себе, - съехидничала Лиза. И тотчас почувствовала укол совести: как-никак она в Москве у Веры часто останавливалась, чаще, чем другие.

- Ребята, - ласково попеняла Наталья, - конечно, Веру жалко, но ведь у нас никакого опыта общения с сумасшедшими. Кто знает, что она может выкинуть...

- Да, если она приедет, покоя не будет, это уж точно... - подтвердил и мрачнющий с каждой минутой Гарик...

Вера пришла к Гарику (Бог наказал!). А у того как раз дом полон иностранцев, не будешь же при них выталкивать. Но и допустить, чтобы они увидели такое - существо, с ввалившимся, как у дистрофика, щеками на иссиня-бледном лице, в грязной, замасленной куртке, с тощим солдатским рюкзачком, - он не мог.

Бочком, бочком затолкал ее на кухню, мимоходом Инне: «Покорми» (авось поест - подберет). Жена, умница, поняла с полуслова - и Веру под белы, то есть грязны, руки - ах, ах! Да каким ветром...

Гарик вьюном вился вокруг гостей, а в голове держал одно: выпроводить ее, немедленно выпроводить... Выждав некоторое время, когда, по его расчетам, Вера должна была насытиться, он снова появился на кухне.

- Верочка-то говорит, микробов в нашем городе видимо-невидимо... - с приторно-ласковой улыбкой начала Инна.

Гарик метнул на нее бешеный взгляд, и, сладчайше к Вере: «Матушка-голубушка, отчего ж не написала, встретили бы, как раньше, по первому разряду...»

- А, знаешь, тебя очень хотела увидеть Наталья, - вдруг соврал Гарик, хотя за секунду до того не помышлял ни о чем подобном. - Незадолго до твоего прихода звонила, будто чувствовала. Говорит, хочу Веру видеть, и Даша, мол, соскучилась...

Вера понимающе кивнула, подхватила с полу рюкзачок с курткой и с тихой, прямо-таки потусторонней улыбкой попрощалась. На мгновение Гарик оскорбился - хоть бы слово какое доброе сказала, все-таки не виделись полгода... Но тут же и отогнал эти мысли, не до того - гости требовали внимания.

Наталья, увидев Веру, только и могла выдать из себя: «Проходи...» Повела на кухню, она же гостиная и кабинет. Вера от еды отказалась, но попросила чая, сожалея вслух о «тортике», каким не угостили ее у Гарика.

Прежде они до рассвета просиживали за этим вот столом. Чаю выпивали, наверно, с ведро. Вера часто говорила ей про Дашу: «Княжна у тебя растет, княжна...» Наталья отмахивалась: дескать, какая там княжна, гадкий утенок, - а сама краснела от удовольствия: в глубине души она верила, что ее дочь, тоненькая, с гладко зачесанными волосками, лоб в первых прыщиках, со временем расцветет и вправду станет похожей на неведомую княжну, с которой сравнивала ее Вера.

Воспоминания о «княжне» смягчили Наталью, разговор пошел веселее, но в общем-то о вещах самых обыкновенных - о погоде, знакомых. Наталья уже стала подумывать, что слухи о безумии Веры сильно преувеличены, разве что выглядит... Впрочем, на любом московском вокзале Вера ничем бы не выделялась из толпы.

С каждой минутой Наталье становилось все тревожнее. Она встала, подошла к окну посмотреть, не идет ли Даша. И вдруг почувствовала: за ее спиной что-то происходит. Превозмогая себя, Наталья обернулась: Вера стояла в дверном проеме с закрытыми глазами, вытянув перед собой руки. Лицо ее было багровым, а толстые жилы на шее, казалось, вот-вот лопнут от сверхнапряжения.

Наталье было жутко и неловко одновременно, как если бы она подсматривала в замочную скважину. Кашлянув, она сделала вид, будто что-то ищет. Вера сказала буднично:

- Все. Я уничтожила их...

Наталья, прикрыв дверь кухни, набрала номер Сорокиных:

- Она у меня. Кажется, моется...

Миля заинтересованно выспрашивала подробности: как одета, выглядит...

- Ирка ведь говорила, что она в своей Москве чуть не умерла от голода, целую неделю варила какие-то веточки, тем и питалась...

И тут Наталья поняла, что нужно бить на жалость: у Сорокиных, кроме кошки, никого, а у нее Даша, она не могла рисковать...

- Кожа да кости, видно, оголодала...

- А такое? Что-нибудь такое заметила? - перебила Миля.

Наталья ответила уклончиво: дескать, ничего особенного. Поговорили про погоду, дачные дела, конечно, и посплетничали, не без того. В какой-то момент Наталья посетовала:

- Мне уходить надо, не знаю, куда ее и пристроить...

- Можешь послать ко мне, - согласилась Миля. - У меня два отгула, перекантуемся как-нибудь. Да и не насовсем же она приехала...

У Сорокиных Вера прожила целую неделю, в конце которой Миля не выдержала и купила Вере билет в Москву. Но Вера то ли не поняла, то ли не захотела принять решительный жест Миля - натура она была гордая, управлять собой никому не позволяла - и продолжала жить у Сорокиных как ни в чем не бывало.

- ...Она только и говорит об этих микробах! - кричала Миля Наталье по телефону. - А если задуматься, что это за микробы? Да те, кто не разделяет ее бредни...

Наталья виновато молчала, понимая, что каждый мог бы оказаться на месте Миля, но оказалась почему-то Миля, и не почему-то, а потому, что самая порядочная из них.

- ...В квартире пожар устроила, - едва не плакала Миля. - Вздумала посуду прокалить на плите, это она так от микробов избавляется. Хорошо, Виктор оказался дома, уже полотенце загорелось... Ее же нельзя оставлять одну ни на минуту... Я что? Отпуск из-за нее должна брать? Она-то считает себя вполне здоровой...

Действительно, поддержала ее Наталья, почему из-за этой сумасшедшей все у них должно идти кувырком? Ну да, дружба, но это не значит, что до конца дней своих они обязаны нести этот крест... «Живые думают о живых», - говорила Наталья мама, царствие ей небесное... И вдруг отчего-то вспомнила, как однажды, будучи проездом в Москве, она остановилась у Веры. И как ночью проснулась от резкой боли в икроножной мышце. Не сдержавшись, застонала. Вера тотчас вскочила, в тревоге бросилась к ней: «Что? Что случилось?». «Судорога», - сквозь стиснутые зубы прошептала Наталья. «У меня такое было, потерпи...» - И Вера с силой, непонятно откуда взявшейся в ее худеньком теле, принялась растирать ей ногу. Боль вскоре затихла. Да... Каждый из их компании мог припомнить что-нибудь такое. Когда Виктор заболел, Вера каких только лекарств ему ни присылала. А Гарик, а Людмила...

Людмила - особая статья. Из незадачливых сочинительниц, греющаяся возле таких, как Вера, подбирающая крохи со стола ее пиршества: Верины идеи, мысли да и целые сюжеты, почти готовые рассказы она моментально претворяла в жизнь, выдавая, естественно, за свое. Наталья возмущалась столь откровенным воровством, а Вера смеялась: «Смотри-ка, рвет подметки на ходу... Да мне не жалко... У меня этих историй... - И она выразительно чиркала пальцами над головой. - Писать - не переписать...»

Едва ли не каждому второму Людмила рассказывала о своем несчастливом детстве, бесконечных болезнях. И Вера, сердобольная Вера, не могла не поддаться столь естественному для нее чувству жалости, уже нарочно подсовывала ей новый сюжетец и радовалась, видя, как загораются глаза у Людмилы, как оживает она, забывая и про мужа, и про болезни.

В дни приезда Веры, у кого бы та ни остановилась - у Мышкиных ли, Сорокиных, у самой ли Натальи, - Людмила бесцеремонно звонила и требовала к себе внимания, драгоценного Вериного внимания, которым все они одинаково дорожили. Она использовала Веру для устройства своих дел в Москве, в основном в столичных издательствах. Вера что-то дописывала за нее, куда-то носила, с кем-то договаривалась, обивала чьи-то пороги, и в конце концов все устраивалось, дело выгорало. Людмила, несмотря на свою прижимистость, пыталась ее отдарить, как отдаривала она обычно лиц из сферы услуг, но Вера дары возвращала, и обоим становилось неловко. Так бы оно и тянулось, если бы однажды Вера не отказала Людмиле - по причине самой уважительной: она влюбилась, и объект ее любви требовал непременно двадцатичетырехчасового Вериного присутствия. Вера по-честному сказала: «Ребята, ухожу в подполье...» - это значит, чтоб временно не тревожили. И все ее поняли. Все, но не Людмила. Почувствовав, что Вера ускользает и более не принадлежит ей безраздельно, она затаила мстительную злобу. В компании с мужчиной, тоже из «пишущих», притязания которого Вера отвергла когда-то, она распускала всюду самые гнусные слухи о Вере, называла ее московской авантюристкой, присвоившей себе чужую, то есть, надо полагать, Людмилину, славу. Ей бы хотелось, чтобы и о ней говорили и ею восхищались, называли

гениальной... Но город безмолвствовал, и Людмила написала статью, где в самых светлых красках изобразила Людмилу, а в самых черных, разумеется, Веру, которая якобы всегда стояла на ее пути.

Для Веры предательство Людмилы было сильным потрясением. Как ребенок, беззащитно и понапрасну обиженный, она спрашивала: «Ребята, за что?!» Гарик философски заметил: «Не сделай добра - не наживешь и врага... Ты унизила ее своим бескорытием, и она тебе этого не простит, у нее-то все по расчету...»

Из-за Людмилы, считала Наталья, Вера все реже и реже ездила в их город. И уже не было прежнего беззаботного веселья, да и времена изменились: бескорыстных называли сумасшедшими, серую бездарность - гениальностью. Все стало страшно деловыми, всем стало некогда. Их компания, некогда считавшаяся монолитной, распалась, то есть по старой памяти они еще собирались вместе, но словно по обязанности - не о чем было говорить, нечего обсуждать. И тут эти слухи про Веру - сошла с ума. Вдруг откуда ни возьмись образовалась эта наследственность, когда ни матери, ни отца Вера отродясь не знала, с младенчества воспитывалась в детдоме.

«Нет, все это очень странно...» - размышляла Наталья, в то время как Миля продолжала изливать наболевшее.

Миля никого не обвиняла, ее волновало одно: как выпроводить Веру из квартиры. Ни один из мягких, щадящих вариантов здесь не подходил - пробовала же Миля с билетами. В конце концов остановились на том, что, как только Вера уйдет по своим «важным» делам (она каждый день часа на два куда-то исчезала, якобы на спецзадание), Миля переправит ее рюкзачок на вокзал в камеру хранения, а в дверях оставит записку: мол, дорогая Вера, срочная командировка, вещи на вокзале, номер ячейки такой-то...

- Мы с Витькой и на самом деле уедем, - пообещала Миля. - Я не выдержу, когда она начнет стучать, у нее же нюх, как у собаки, учует, что мы дома...

Мышкины, к которым Наталья тотчас позвонила, были того же мнения.

- Пусть едет домой, - сурово изрек Сашка. - Если мы ее пустим, то она уже никогда не оставит нас в покое, такой нам ад устроит...

Договорились, что Мышкины обзвонят остальных и предупредят, чтоб вечером держали оборону - не пускали Веру к себе, чего бы им это ни стоило.

Наталья не знала, не могла предположить, что с той самой минуты, как они решат объявить Вере войну, ее жизнь и в самом деле превратится в ад. Они без конца созванивались, встревоженными голосами заговорщиков спрашивали: «Ну, как?» - и Наталья невольно чувствовала себя соучастницей некоего гнусного преступления.

Она вздрагивала от каждого звонка, бегала от двери к окну, осторожно выглядывала из-за плотно закрытых штор. Звонок Мышкина застал ее врасплох. Неестественно бодрым тоном он сообщил, что приходила Вера и они, разумеется, ее не пустили. Потом видели из окна, как она сидела на скамейке в их скверике прямо под дождем.

Часа через два объявился Гарик.

- Кажется, пронесло, - с явным облегчением сказал он. - Всего два разочка позвонила. Я в глазок смотрел: ну и видок у нее - жуть берет...

Гарик посоветовал держаться стойко и повесил трубку.

«Итак, круг сужается», - с тоской думала Наталья. Остались только двое. К Людмиле Вера не пойдет, это исключено. Значит, она уже на полпути к ней. И если Наталья не пустит, а она не пустит, у нее Даша, она не имеет права травмировать неокрепшую психику подростка, то ей придется ночью в чужом городе... Наталья крепко сжала виски ладонями: она не хотела думать о том, что могло быть дальше с безумной, живущей по законам иного мира... Пока разберутся, пока сообразят... Она же на первый, самый первый взгляд почти что нормальная. Ну, похожа на бомжа или бомжиху, так сегодня их полным-полно. Ночью в городе и здоровому мужику опасно, не то что одинокой женщине, а она легко откликается на любое человеческое слово - вот в чем беда, - сразу становится ручной, могут завести куда угодно, ночью все кошки серы...

Наталья осторожно выглянула из-за шторы - стояла непроглядная ноябрьская темь, уныло шуршал мелкий дождик. Собственная квартира показалась вдруг Наталье особенно уютной и надежной, и нарушить эту надежность было свыше ее сил.

Она поправила штору и направилась к Даше: предстояло самое трудное, то, что Наталья весь вечер старательно оттягивала, - объяснить дочери, почему они не должны подходить к двери, что бы за ней ни происходило.

Даша никак не могла взять в толк, почему нельзя пустить к ним переночевать такую хорошую, такую добрую тетю, как тетя Вера, которая зовет ее княжной и говорит, что она непременно вырастет красавицей, только это увидеть надо, и она, тетя Вера, видит будущую Дашину красоту. «Много званых, да мало избранных...» - загадочно повторяла она при этом всякий раз.

Наталья, волнуясь, стала рассказывать, как у Сорокиных Вера чуть не устроила пожар и вообще ведет себя странно ... Рассказывая, она чувствовала, как мелки, неубедительны становятся эти доводы, стоит их произнести, облечь в слова. Вот и Даша от усердия даже лоб наморщила, но, видимо, так и не поняла, в чем вина тети Веры. Помолчав, она спросила тихо:

- Если тетя Вера придет, ты...пустишь? - И с несмелой надеждой посмотрела на Наталью.

- Не знаю...наверное, нет...- проглотила подступивший комок Наталья.

В это время в дверь позвонили. Наталья с Дашей одновременно кинулись посмотреть в глазок. За дверью стояла соседка. Она попросила разрешения позвонить. Потом был еще звонок, пришла другая соседка - приносила на пробу пирог, который она только что испекла... Взгляд Даши молил: «Пусти, пусти тетю Веру!» Наталья в отчаянии закрывала глаза, чтобы только не поддаться: нет-нет, невозможно... Жалость - это провокация, ущербность... Они жалкая, вымирающая порода... Скулеж, игра в милосердие и в конце концов следование тому же закону стаи... Важно жить, просто жить... Наталья усмехнулась. Они просто-напросто добренькие слюнвячки, протряслись, продрожали всю жизнь, ни вспышек, ни огня от них, одно медленное тление. А может, все дело в том, что они от рождения полумертвые, сердчишки в них такие скукоженные, потому по утрам и «жить не хочется...»

Того единственного, самого опасного звонка все не было. «Господи, хоть бы не пришла...» - молила Наталья и была уже близка к истерике, потому что знала, что пустит, как не пустить - она дочери тогда в глаза смотреть не посмеет. Но если пустит, то сама же и подпишет себе приговор - нельзя будет ни на минуту оставить дом, Дашу, и каждое мгновение ждать подвоха, каждое мгновение - в напряжении... Нет, она не имеет права... Она должна сказать «нет» - и положит этому конец. Надо бы, как Сорокины, уйти, уехать, будто в гости с ночевкой, и Даше ничего бы объяснять не пришлось. А каково для нее знать, что за дверью тетя Вера, и не открыть? Она же будет чувствовать себя предательницей на всю оставшуюся жизнь... Наталья изо всех сил отгоняла от себя видение - безумную Веру, идущую под дождем в этой черноте, в чужом, враждебном городе, где ей нет места. Что пережила она в этот свой приезд? Осудила ли их, возненавидела? Наказала ли непощением, как Людмилу? А что, если «микробы» не такой уж бред? Если они существуют на самом деле? Что знают они об иных, невидимых мирах, о мирах безумных? И, наверно, уже не узнают.

Они почти не спали в эту ночь, а рано утром позвонил Гарик. Каким-то замороженным голосом сказал, что Вера у Людмилы.

- Как? Почему у нее?! Не может быть! - не поверила Наталья.

- Она думала, собака под дверью скребется, у нее Арчи с месяц как пропал, она и прислушивалась к каждому шороху. И знаешь, что Вера сказала ей? - Гарик выдержал эффектную паузу.- «Я,- говорит,- приехала вас спасать, у вас же в городе все с ума посходили...» А сама еле на ногах держится... Тоже мне, спасительница мира...

ЗАДАНИЕ 2.

Прочитайте стихотворение И.Бунина «Вечер». Каким образом в лирике передается чувство? Как «создано» в стихотворении чувство счастья? Знаете ли Вы еще стихотворения, которые посвящены этому чувству? Назовите их и напишите, чем вызвано чувство счастья, как мы понимаем, что это именно оно?

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.

А счастье всюду. Может быть, оно -

Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

Максимальный балл – 30 баллов.